

- Дубровин Г.Е., Окоороков А.В., Старков В.Ф., Черносвитов П.Ю.** История северорусского судостроения. – СПб.: Алетейя, 2001. – 231 с.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе. – М.: Наука, 1967. – 297 с.
- Заходер Б.Н.** Каспийский свод сведений о Восточной Европе // Лев Н. Гумилев. Открытие Хазарии. – М.: ДИ – ДИК, 1996. – С. 281 – 422.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Иванов А.Г.** Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья. – Ижевск: Б.и., 1998. – 308 с.
- История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века:** Хрестоматия. – Екатеринбург: Изд-во НПМП “Волот”, 1999. – 300 с.
- Ковалевский А.П.** Книга Ахмада Ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 – 922 гг. – Харьков: Кн.-журн. изд-во, 1956. – 347 с.
- Крамаровский М.Г., Федорова Н.В.** Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки. – Л.: Изд-во Государственного Эрмитажа, 1991. – 42 с.
- Кутепов Н.И.** Великокняжеская и царская охота на Руси. – СПб., 1896.
- Мифы,** предания, сказки хантов и манси. – М.: Наука, 1999. – 568 с.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163 – 235. – (Сер. “Археология СССР”).
- Молодин В.И.** Находка меча из Западной Сибири (предварительное сообщение) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук № 11. – 1976. – Вып. 3. – С. 125 – 127.
- Монахов В.Г.** Соболь Урала, Приобья и Енисейской Сибири. – Екатеринбург: БКИ, 1995. – 154 с.
- Очерки истории Югры /** Ред. Д.А. Редин, Н.Б. Патрикеев. – Екатеринбург: Волот, 2000. – 408 с.
- Полное собрание русских летописей.** – СПб.: Б.и., 1843. – Т. 1, 2.
- Путешествие** Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131 – 1153) / Публикация О.Г. Большакова и А.Л. Монгайта. – М.: Наука, 1971.
- Семснова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.
- Соболь,** куница, харза / Ред. А.А. Насимович. – М.: Наука, 1973. – 293 с.
- Сокровища Приобья /** Ред. Б. Маршак, М. Крамаровский. – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Федорова Н.В.** Западная Сибирь и страны средневекового Востока по археологическим данным (X – XIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1984. – 24 с.
- Федорова Н.В.** Золотоордынская торевтика в Приобье // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории, языка, литературы, 1991. – С. 193 – 204.
- Хорошкевич А.Л.** Торговля Великого Новгорода в XIV – XV в. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 365 с.
- Шахматов А.А.** “Повесть временных лет” и ее источники // Тр. Отдела древнерусской литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. – Т. 4. – С. 9 – 150.
- Шефер Э.** Золотые персики Самарканда. – М.: Наука, 1981. – 607 с.

Материал поступил в редколлегию 04.06.02 г.

УДК 903.27

Т.Н. Троицкая*Новосибирский государственный педагогический университет
ул. Виллойская, 28, Новосибирск, 630126, Россия
Тел. 68-09-04*

УРАЛО-СИБИРСКИЙ СТИЛЬ В МЕТАЛЛИЧЕСКОЙ ПЛАСТИКЕ ВЕРХНЕОБСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Введение

С середины I тыс. н.э. на территории лесной и лесостепной полосы Урала и Западной Сибири был широко распространен характерный для средневековья этих регионов своеобразный стиль в изобразительном искусстве – урало-сибирский. Он нашел отражение в бронзовых зоо- и антропоморфных изображениях, относящихся к нескольким культурам, в т.ч. к верхнеобской, и не во всех регионах представлен одинаково. В данной статье мы постараемся выяснить, в какой степени этот стиль характерен для всей лесостепной верхнеобской культуры и для ее локальных групп.

Урало-сибирский стиль в верхнеобской культуре

На территории Приобья рассматриваемый стиль особенно ярко представлен в материалах синхронных культур таежной зоны: релкинской [Чиндина, 1977, с. 41 – 51, рис. 35], потчевашской, нижнеобской (оронтурский этап) [Чернецов, 1957, табл. 29 – 31]. Базой для его развития были территории Урала и Приуралья, где он зародился в эпоху раннего железа [Оборин, Чагин, 1988, с. 26]. Этот стиль исходил из идеологии лесного населения, в жизни которого исключительно большое значение имела охота, поэтому с V – VI вв. он получил широкое распространение в лесных (таежных) культурах Западной Сибири. В Приобье основой для развития указанного стиля стало кулайское изобразительное искусство раннего железного века, искусство населения, занимавшегося присваивающим хозяйством [Чиндина, 1984,

с. 72 – 76]. Оно повлияло на формирование урало-сибирского стиля в Западной Сибири [Конилов, 1987, с. 149].

Верхнеобская культура (V – IX вв. н.э.) имела четыре локальных варианта: томский, новосибирский, кузнецкий и барнаульский [Троицкая, Новиков, 1998, с. 81 – 83]. Рассмотрим проявления в них урало-сибирского стиля на материалах археологических раскопок и случайных находках на памятниках, относящихся к верхнеобской культуре. Материалы культовых мест (в археологии Сибири они носят название “клад”) мы не привлекаем, поскольку эти места могли быть центрами больших территорий, превосходящих по размерам ареалы того или иного варианта верхнеобской культуры.

Урало-сибирский стиль характерен прежде всего для лесных культур. Остановимся на относящейся к этому кругу релкинской культуре, памятники которой были прослежены на территории Среднего Приобья, соседствующей с зоной распространения верхнеобской культуры. Раскопан один могильник – Релка, содержащий около 60 могил V – VIII вв. н.э. В могилах, насыпях и на территории самого могильника выявлены 21 антропоморфная и 24 зооморфные фигуры [Чиндина, 1977, рис. 34, 35]. Антропоморфные изображения представлены целыми фигурами и отдельными головами – личинами со следами татуировки на щеках. Чаще всего встречаются изображения медведя (всего или только головы), водоплавающей птицы, лошади, совы или филина с распростертыми крыльями и личиной на груди. Изображения соболя и ящерицы представлены единичными экземплярами. Имеются сложные композиции: орел, клюющий морду зверя; хищная птица,

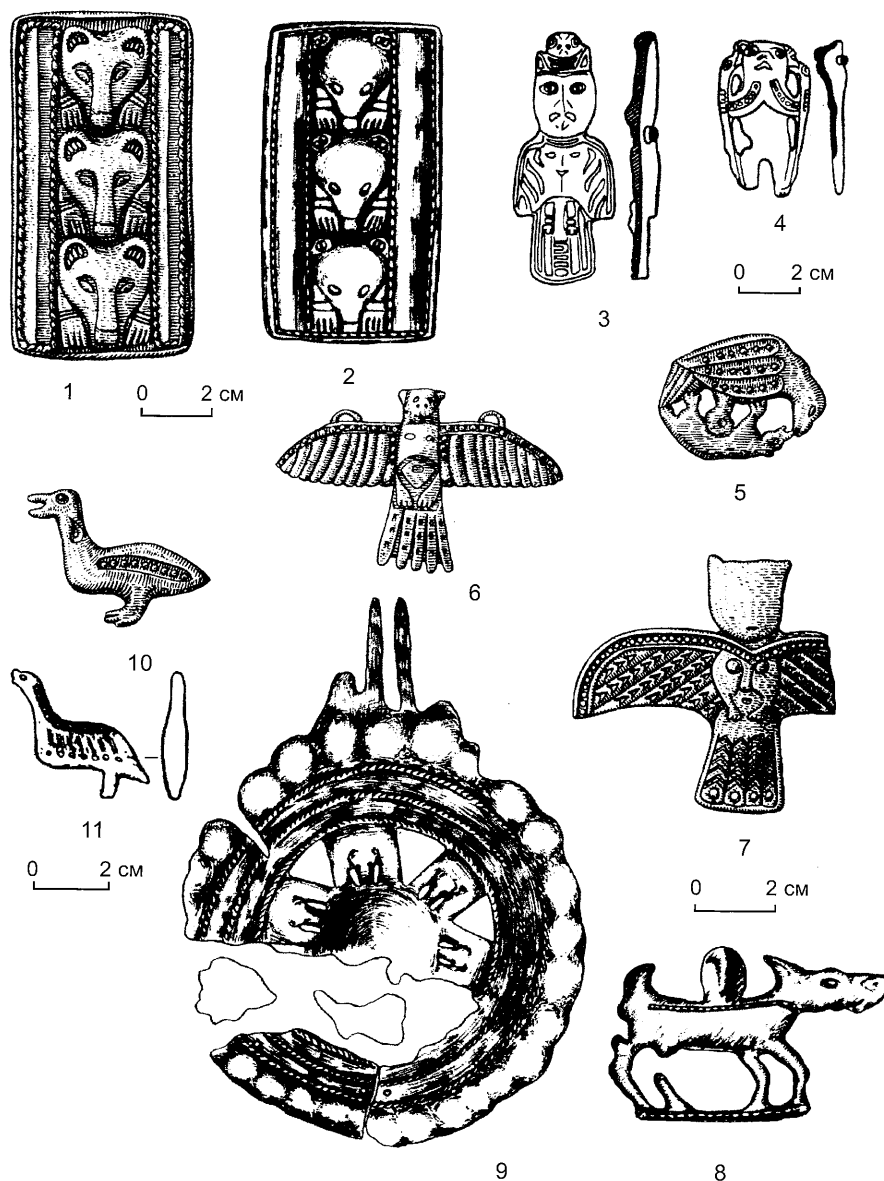


Рис. 1. Находки из Среднего (1, 5, 7, 10, 11) и Томского Приобья (2 – 4, 6, 8, 9).

нацелившаяся в голову лося (?), и др. На территории Среднего Приобья известен ряд культовых мест, содержащих средневековые изделия в урало-сибирском стиле. Среди них наиболее богат изображениями в этом стиле Васюганский клад [Чиндина, 1991, с. 36 – 37]. Все это свидетельствует о том, что в изобразительном искусстве представителей релкинской культуры урало-сибирский стиль получил широкое распространение (рис. 1, 1, 5, 7, 10, 11).

Территория томского (самого северного) варианта верхнеобской культуры находится в непосредственной близости к ареалу релкинской культуры. Она охватывает нижнее течение р. Томи и прилегающий к нему район Приобья. Рассмотрим материалы четы-

рех раскопанных могильников – Тимирязевского I и II, Архирейской Заимки [Беликова, Плетнева, 1983] и Томского [Комарова, 1952, с. 57 – 50], синхронных могильнику Релка. Они содержат не менее 103 могил V – VIII вв. (это намного больше, чем в Среднем Приобье), но в них обнаружено всего 21 изделие в урало-сибирском стиле. Зафиксировано 6 антропоморфных и 15 зооморфных (с изображением голов трех медведей (6 экз.), птиц с личиной на груди (4 экз.) и без нее (1 экз.)) блях. По одному экземпляру представлены изображения лошади, стоящего медведя, лося и зайца, имеется также поломанная эполетообразная застежка с небольшими изображениями голов и передних лап пяти или шести медведей (рис. 1, 2 – 4, 6, 8, 9).

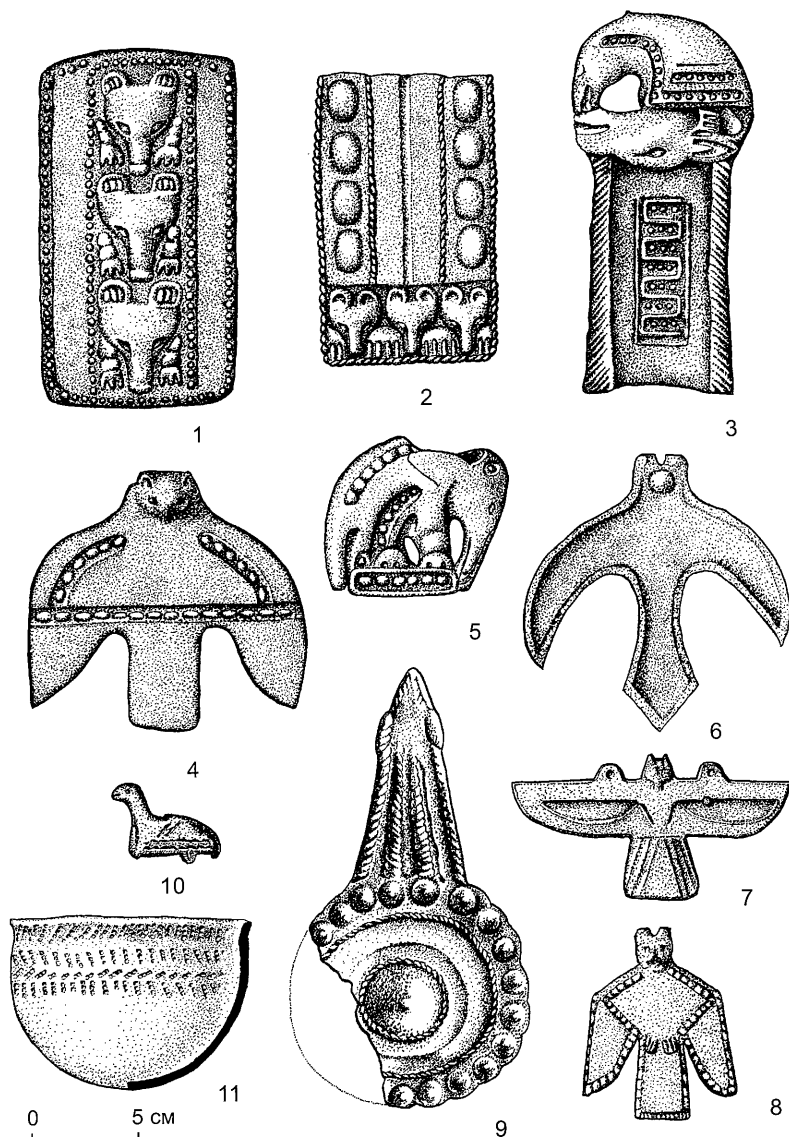


Рис. 2. Находки из могильников новосибирского (1 – 5), кузнецкого (6 – 8) и барнаульского (9 – 11) вариантов верхнеобской культуры.

Новосибирский вариант верхнеобской культуры представлен на побережье Оби от устья р. Уени до начала современного Обского водохранилища (г. Каменьна-Оби). В 13 могильниках раскопано не менее 107 могил V – VIII вв., содержащих 16 зооморфных изображений в урало-сибирском стиле [Троицкая, Новиков, 1998, табл. 18, 19]. Это шесть пластинок с изображением голов трех медведей, шагающего медведя, птицы, клюющей голову оленя, птиц с личинами на груди (2 экз.) и без нее (2 экз.) и три пронизки в виде белочки и фантастических зверей (рис. 2, 1 – 5). В целом их несколько меньше, чем подобных находок из памятников томского варианта: в Томском Приобье на 103 исследованные могилы приходится 21 изображение, в Новосибирском Приобье на 107 погребений – 16 изделий.

Кузнецкий вариант верхнеобской культуры зафиксирован в Кузнецкой котловине, к востоку от Новосибирского Приобья. На этой территории раскопано несколько могильников верхнеобской культуры. В двух из них выявлено не менее 26 могил V – VIII вв. Обнаружены три бляшки в виде птицы с распростертыми крыльями [Илюшин и др., 1992, рис. 23, 3; Илюшин, 1999, рис. 25, 32, 33]. Личины на груди птиц отсутствуют (рис. 2, 6 – 8). К северо-востоку от котловины на северном склоне хребта Арга находится знаменитое культовое место – Айдашинская пещера. В ней зафиксированы разновременные находки. К V – VIII вв. относятся три бляхи с изображением голов трех медведей, оленя, еще три бляхи с изображением птиц без личин на груди и другие предметы [Молодин, Бобров, Равнушкин, 1980,

табл. 21, 22]. Культовое место могло обслуживать более широкую территорию, чем Кузнецкая котловина, и сюда по р. Чулым могли доставлять изделия представители релкинской культуры. В целом следует отметить, что кузнецкий вариант верхнеобской культуры также характеризуется наличием изделий, выполненных в урало-сибирском стиле, но, вероятно, они встречаются реже, чем образцы других вариантов.

Барнаульский вариант верхнеобской культуры получил распространение на территории от Обского водохранилища до слияния рек Бии и Катунь. Его памятники представлены поселениями. Опубликованы материалы погребений у с. Степной Чумыш [Уманский, 1974, с. 136 – 139] и в урочище Ближние Елбаны под Барнаулом [Грязнов, 1956], где в могильниках БЕ XII и БЕ IV было раскопано 15 могил единичного этапа, но в них не обнаружены изделия в урало-сибирском стиле. Однако в погр. 32 могильника БЕ VII, отнесенном М.П. Грязновым к фоминскому этапу, найдены два предмета, имеющие прямые аналоги в верхнеобском материале [Там же, табл. 42, 10, 11]. Это полая фигурка водоплавающей птицы и эполетообразная застежка со стилизованной мордой животного на ее конце (рис. 2, 9, 10). Вторая аналогичная птичка – случайная находка – обнаружена у с. Шипуново [Ширин, 1999, с. 136, рис. 1, 40]. Полые фигурки птичек идентичны изделиям, выполненным в урало-сибирском стиле [Чиндина, 1977, рис. 35, 12 – 15; Чернецов, 1957, с. 203, рис. 29, 17, 18]. Застежка, тождественная обнаруженной под Барнаулом (см. рис. 1, 9), найдена в могильнике Архирейская Заимка среди материала, который четко относится к эпохе раннего средневековья. Сосуд, найденный в мог. 32, по форме типичен для единичной культуры (рис. 2, 11), что хорошо видно при его сопоставлении с единичными изделиями [Троицкая, Новиков, 1998, рис. 27 – 31]. Все это дает возможность отнести данное погребение к единичному (возможно, к переходному) этапу верхнеобской культуры. Небольшой объем опубликованного материала из погребений Барнаульского Приобья не позволяет сделать объективные выводы, но дает основание для предположения о том, что и для этого варианта характерно наличие изделий в урало-сибирском стиле.

Выводы

Художественные изделия, выполненные в урало-сибирском стиле, являются особенностью верхнеобской культуры. Причем наибольшая концентрация таких предметов характерна для материала томского варианта этой культуры, ареал которой непосредственно

граничит с зоной распространения таежной релкинской культуры. Несколько слабее, но достаточно ярко стиль отражен в новосибирском варианте. В материале кузнецкого варианта он проявился менее заметно, а в барнаульском варианте верхнеобской культуры еще слабее. Причем этот стиль прослеживается лишь на первых этапах этой культуры – в V – начале VII в., на заключительном этапе – вторая половина VII – IX в. – он не получает отражения.

Список литературы

- Беликова О.Б., Плетнева Л.М.** Памятники Томского Приобья в V – VIII вв. н.э. – Томск: Изд-во ТГУ, 1983. – 244 с.
- Грязнов М.П.** История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. – 1956. – Вып. 48. – 284 с.
- Илюшин А.М.** Могильник Саратовка: публикация материалов и опыт этноархеологического исследования. – Кемерово: Изд-во КемГУ, 1999. – 160 с.
- Илюшин А.М., Сулейманов М.Г., Гузь В.Б., Стародубцев А.Г.** Могильник Сапогово – памятник древнетюркской эпохи в Кузнецкой котловине. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1992. – 128 с.
- Конигов Б.А.** Об истоках раннесредневекового искусства населения лесного Прииртышья // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 149 – 153.
- Комарова М.Н.** Томский могильник, памятник истории древних племен лесной полосы Западной Сибири // МИА. – 1952. – Вып. 24. – С. 7 – 50.
- Молодин В.И., Бобров В.В., Равнушкин В.Н.** Айдашинская пещера. – Новосибирск: Наука, 1980. – 208 с.
- Оборин В.А., Чагин Г.Н.** Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль. – Пермь: Кн. изд-во, 1988. – 184 с. – (Сер. “Искусство Прикамья”).
- Троицкая Т.Н., Новиков А.В.** Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 150 с.
- Уманский А.П.** Могильники верхнеобской культуры на Верхнем Чумыше // Бронзовый и железный век Сибири. – Новосибирск: Наука, 1974. – С. 136 – 149.
- Чернецов В.Н.** Нижнее Приобье в I тыс. н.э. // МИА. – 1957. – Вып. 58. – С. 136 – 245.
- Чиндина Л.А.** Могильник Релка на Средней Оби. – Томск: Изд-во ТГУ, 1977. – 202 с.
- Чиндина Л.А.** Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во ТГУ, 1984. – 192 с.
- Чиндина Л.А.** История Среднего Приобья в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во ТГУ, 1991. – 182 с.
- Ширин Ю.В.** Древности Алтая в музеях г. Новокузнецка // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. – С. 134 – 137.

Материал поступил в редколлегию 16.05.02 г.

УДК 903. 01/09

В.П. Мыльников*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru*

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕЙ ДЕРЕВООБРАБОТКИ

Введение

При раскопках археологических памятников, в частности поселений и курганных погребений, исследователи находят деревянные предметы (остатки конструкций жилищ, погребальные сооружения, оружие, посуду, хозяйственно-бытовой и культовый инвентарь), содержащие уникальную информацию о культуре, образе жизни, социально-экономических отношениях исчезнувших цивилизаций. При всестороннем анализе этого круга первичных источников логично возникает необходимость соотнесения археологического материала с данными этнографии и экспериментальных разработок для систематизации и классификации материала по различным основаниям, а также для объяснения исторических процессов, происходивших в тех или иных этнокультурных образованиях. Значительно больше при раскопках жилищ и погребений обнаруживают вторичных и косвенных источников (котлованы жилищ и могильных ям, столбовые ямки, ровики, канавки, углубления, следы гнили и тлена, и т.д.), которые позволяют предполагать наличие на этом памятнике какого-то деревянного предмета. Каждый исследователь при комплексном анализе материала дает собственную интерпретацию этим почти нематериальным остаткам человеческой деятельности, справедливо полагая, что любая реконструкция – путь к постижению истины. На основе данных таких реконструкций, “направляемых априорными проблемами или интересами исследователя”, разрабатываются разные типологии одного и того же материала [Клейн, 1991, с. 103 – 106].

Археологи, занимающиеся изучением технологии древнейших производств, имеют дело в основном с той частью предметов, которые не подверглись разрушительному воздействию времени и сил природы

[Грязнов, 1964, с. 73]. Очень трудно, а зачастую практически невозможно восстановить предмет достоверно в его первоначальном виде, когда от него остались лишь следы гнили, тлена или столбовые ямки. Поэтому при реконструкции любого вида необходимо выявлять и раскрывать весь набор признаков, которые характеризуют как саму вещь, так и процесс ее производства в целом. Прослеживая следы-признаки и зная “на что смотреть в вещи, как смотреть и как извлечь информацию” [Глушков, 1996, с. 14], технолог определяет роль и место вещи в контексте человеческой деятельности. Изучение традиций обработки дерева в древности основано главным образом на исследовании формы предмета и конструкции сооружения, особенностей структуры материала и следов его обработки различными орудиями. При отсутствии источника и результатов трасологического анализа изучение деревообработки теряет всякий смысл.

Деревообработка в древности и в наши дни имеет существенные различия. В то время предметы из дерева делали в основном в домашнем хозяйстве. Древние деревообработчики располагали минимумом простейших орудий труда, и только их высокое мастерство и виртуозное владение топором, теслом, долотом и ножом позволяло добиваться высочайшего качества изделия [Сокольский, 1971, с. 173]. Широкое распространение специальных инструментов (пилы, рубанки, токарные станки) и появление ремесленных мастерских началось на рубеже эр. Только после этого технология обработки древесных материалов стала постепенно приобретать современный облик, который окончательно сформировался к концу XIX в.

Не все исследователи четко представляют себе в полном объеме, что такое деревообработка в древности. Одни (практики) видят в этом лишь минимум